

На соловецких островах.

31 июля 2006 года.

Раннее утро на вокзале - дорога в приют - уютная ночевка - утро в приюте - ожидание погрузки на катер - Белое море - рыбаки монахи - качка - маяк на острове - рыба треска - прибытие на Соловецкие острова - лагерь туристов-паломников, то ли паломников-туристов - экскурсия в соловецкий кремль.

Утро началось в Кеми на вокзале. 0-00 - это показывают часы в зале ожидания. Так рано мы еще не вставали за весь поход. Мы в Кеми. Поезд немного опоздал. В вокзале вещи сложили на втором этаже. Всех разослали на сбор информации:

- Влада – выяснять насчет поездов;
- Стаса – в кафе выяснить насчет еды и стоимости;
- Костя, Оля + Оля – выяснить насчет проезда в Порт (Рабочеостровск), а заодно договориться насчет заброски на Пайозеро.

Командор сторожит шмотки. Принимает доклады с мест:

- «В буфете можно поесть, цены приемлемые, уложиться можно в сто – сто пятьдесят рублей» - принес первую информацию Стас.
- «Поезда до станции Кузема ходят. Один на Москву, другие местные или на Питер. На Москву поезд через Кузему идет в семь утра» - это Влад выяснил в кассе вокзала информацию о поездах;
- «В Порт ходит автобус, такса 50 рублей с человека. Сейчас он уезжает, но через час вернется и нас отвезет» - это уже Оля + Оля.

Костя и Оля + Оля нашли мужика с машиной. За четыре с половиной тысячи он готов отвезти нас на Воньгу к озеру Пайозеро. Будем еще искать, может подешевле получится.

Стрелки на электронных часах двигаются и двигаются. Пора! Подхватываем рюкзаки, раму для катамарана и на привокзальную площадь. Прямо на привокзальной площади подъехала к нам презентабельная «Ауди» с предложением подвезти куда надо. Смотрим на мужика с удивлением, как будто не понятно, где «Ауди» и где мы. Оказывается, это местный гаишник, к которому от таксистов стекается ручеек информации о потенциальных клиентах. Машины у него есть и другие, на выбор. Договорились, что встретит в порту, отвезет прямо к озеру, в прошлом году возил туда группу, все знает.

Подъехал автобус. Пока не сажает, ждет, когда придет очередной поезд. Заберем еще паломников. И действительно, не успел автобус подъехать к скамейкам, на которых лежали наши вещи, как из-за вокзала повалили паломники, вернее паломницы. Все как одна в платках, длинных юбках. Еле успели перед ними влезть в автобус, одна паломница все-таки вклинилась между нами.

Хотя уже за полночь, но довольно светло. Мимо окон проплыли улицы Кеми, потом потянулся лес и отдельные домики. Все, едем в Порт. Автобус, скрипя и брэнча всеми своими старыми суставами, натужно ревя мотором, с трудом глотает километры (как он вообще до сих пор ездит!) и привозит нас в приют для паломников. Наконец, приехали в Порт, к приюту для паломников. Приют – большой дом на монастырском подворье, рядом небольшая церковь. В доме несколько комнат с высокими потолками, в которых сооружены трех ярусные нары для паломников. Плату за постой не берут, но намекают, что пожертвование в 50 рублей с человека можно положить в ящичек для оных. Паломников много, на нарах места нет, приходится устраиваться на полу, на рюкзаках. Хотя, кажется среди паломников немало путешественников, уж больно профессионально они экипированы. Ночи нет, сумерки сгустились, и начало светать.

Память услужливо подсовывает картинки из недавнего прошлого.

Чуть-чуть о Москве.

Итог посещения столицы печален, правильно говорил парторг – Москва, самый дорогой город в мире. Только, пардон, на естественных делах потеряли до 50-ти рублей. В дорогу купили двух крылатых на 260 рублей, сгрызли их на раз-два, даже косточек практически не осталось. Рыбка «Желтый полосатик» тоже хороша, по одной съели, и всем спать захотелось. Правда, некоторые злые языки утверждали, что все это от шести полторашек пива.

Из окна поезда.

Утро 30.07.06, 6 часов 10 минут. Проехали через какую-то реку. Весь песок вылез из воды. Видно, что река хорошо обмелела. Мелко. Как там в Карелии, а то ведь камни полировать будем.

Ну, это все лирика, навеянная ночевкой в приюте на рюкзаках. Приют стоит на берегу Белого моря. В море отлив. Прибрежные камни выступили из воды и темнокоричневыми тушами лежат в лужах. С моря дует ровный холодный ветерок, пробирает до костей. На мысу часовня в ореоле мягкого света белой ночи. Красок нет, только темные цвета. Белесый цвет неба. Справа у пирса стоят катера. Два из них монастырские, пришли с Соловков рано, рано утром.

Выдернули осколок зуба у Стаса. Сию процедуру произвел Костя, плоскогубцами, под фонарем у женского туалета. Дезинфицировали водкой.

С моря тянет холодный ветер, море-то Белое – северное. Утро наступило в шесть часов утра, когда паломников подняли и, рассортировав, отправили на пристань, расположенную в двухстах метрах от приюта.

От пристани должны отправиться два монастырских катера «Святитель Филипп» и «Святитель Николай». Первый в 7 часов, второй за ним через полчаса. В Белом море начинается прилив, заметили это по рыбацким лодкам, которые приплыли ближе к двум часам ночи и встали на якорь у камней далеко от берега. Там, где ночью рыбаки пробирались по камням к берегу, сейчас плескалась вода, а лодки плавали уже далеко от берега. Идем на пристань. Оба катера кажутся маленькими, даже не понятно как туда поместится столько паломников. На катер, где нам придется плыть, пока не пускают. Оказывается, монах, главный на катере, сидит в кабине крана и грузит на плоскодонную баржу кирпич и соляр в бочках.

На пристань пришли в семь. На катер «Святитель Николай» уже всех усадили, и он готовился к отплытию. Рядом с катером «Святитель Филипп» монахи грузят на плоскодонную баржу кирпич и солярку в бочках. За пультом управления краном импозантный монах. Легко и непринужденно он справляется с погрузкой. Время идет. Паломники столпились кучей на пристани. Кто упакованный как настоящий путешественник с рюкзаком и туристическим ковриком, другой с полиэтиленовым мешком в который упакованы одеяло и подушки. Катер стоит пустой, никого не сажают. Оказалось, что все грузчики тоже из монастыря, и мы просто ждем, пока закончится погрузка баржи.

Погрузка окончена. В передней части катера открывается люк и туда вниз, в трюм грузим рюкзаки и вещи паломников. Рюкзаки тяжелые, еле их втащили в люк. Все рассаживаются. Кто в салон на верхней палубе, кто внизу.

Прилив к этому времени поднял воду в море, и вода затопила все прибрежные камни. Часовня на мысу, выдвинувшемся в море узкой косой, теперь, как маяк, охраняет вход в бухту. Лодки, которые рыбаки оставили на камнях далеко от берега, теперь плавают.

На горизонте в лучах неяркого северного солнца не в воде и не в небе низко плавают темные веретена – это острова. Словно большие фантастические сигарообразные дирижабли, они висели между водой и небом. Это из-за преломления форма островов искажена и, кажется, словно огромные дирижабли плывут над морем.

Наконец баржу загрузили, монах-командир дал команду на погрузку паломников. На носу открыли люк и в трюм стали грузить рюкзаки и вещи паломников. Все погрузились, буксировочный канат от баржи закрепили на корме. У катера заработал двигатель, и путешествие на Соловки по Белому морю началось. Катер взял курс на выход из бухты. Пристань потихоньку уходит назад, открывается вся панорама берега с портом, приютом, часовней на мысу и катерами и лодками (фотопанорама кемского порта). За стеклом иллюминатора прозрачные серые волны Белого моря, видны острова, сплошь из гранита, темные, неприветливые, только кое-где покрытые лесом, окаймленные валунами, вылизанными волнами. Вышли в Белое море, стало заметно качать. Паломники начали бегать на палубу.

После практически бессонной ночи многие, в том числе и мы, устроившись на лавках в кают-компании катера, задремали под равномерный гул двигателя катера. Дремали не долго. Стало ощутимо раскачивать. Катер

уже выплыл из бухты и вышел в Белое море. У выхода с бухты расположен целый архипелаг островов, мимо которых мы сейчас и приплывали. Острова – огромные глыбы гранита, разглаженные ледником, пропахавшим эти места много миллионов лет назад. На голом камне кое-где растут чахлые деревья, а у воды окаймляя береговую линию, подставляют спину волнам огромные черные валуны. Вокруг островов простирается серо-белая вода, видно от этого цвета, контрастирующего с черными или темно-коричневыми островами, и пошло название Белое море.

В Соловки шли долго, баржа не давала быстро плыть. Катер «Святитель Филипп» нас обогнал, хотя и вышел практически вместе с нами.

Катер затормозил ход. Все заволновались, не видно что-то пристани, кругом вода, не случилось ли чего. Оказалось, к катеру подплыла лодка с монахами – рыбаками. Монахи наловили трески и теперь возвращались в обитель. Забрали монахов, лодку зацепили за катер и пошли дальше.

Показался маяк на острове. Начинается Соловецкий архипелаг. Немного времени, и мы подплываем к Соловецкому острову. Катер входит в бухту, в середине которой на насыпном каменном острове стоит крест, на берегу стены Соловецкого монастыря. У пристани стоит катер «Василий Косяков». Как выяснится позже, на нем мы поплывем в Кемь. А рядом с монастырскими катерами приткнулся к пристани небольшой катерок, вернее лодка «Преподобный Зосима». Итак, плыли мы 4 часа – своего рода рекорд.

Вспомнилось. Упаковка карамелек по Ольге.

Карамельки развернуть, бумажки аккуратно выбросить. Свободные от бумажек конфеты сложить в бутылочку от Акваминерале (негазированной!) с надписью «Ключи от рая». Конфеты желательно купить 2-3 сортов, уложить послойно. Закрывать крышкой, утрясти, положить еще несколько штук, еще раз потрясти. Лучше всего склеиваются конфеты-леденцы типа «Взлетные».

История Соловецких островов уходит в глубокую древность. Поморы, северные мореходы на утлых ладьях, хотя почему на утлых, скорее на судах сильных и мужественных людей, которые, не боясь холодного моря, избороздили его, нашли острова, обжили их. Потом на этих безлюдных островах появились монахи, заложившие здесь монастырь. Зарились на острова шведы и англичане, пытались закрепиться на островах, но не дали им этого сделать жители островов и служивый люд.

Пришла Советская власть, монастырь закрыли, все драгоценности вывезли, а в крепости монастыря организовали лагерь, куда одними из первых попали монахи соловецкой обители. Это был, наверное, один из самых страшных лагерей в системе лагерей ГУЛАГа, организованной НКВД. Немногие заключенные этого лагеря вышли на свободу. На правой башне монастырского кремля над бойницами огромными буквами было выведено

СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, а над куполом храма развивался красный железный флаг. Затем, в годы войны, здесь была организована школа юнг. История повторилась, немцы пытались тоже высадиться на островах, но выбили их с островов даже не регулярные войска, а мальчишки-юнки. Много уткло лет с того времени, но уже состарившиеся бывшие юнки до сих пор собираются на Соловецких островах вспомнить былое.

Высадились на пристань.

Определились, где можно ночевать. В гостинице номера от 650 рублей, да и те заполнены. В частном секторе цены то же немаленькие, за постой местные берут от 400 рублей. Недалеко от поселка есть место, выделенное для палаточного лагеря. Стоимость 35 рублей с человека.

Завтра первое августа.

- Ганс, что это за деревня?

- Большие Говнищи!

- Не понял?

Сбрасывают бомбу.

- И - и - и - что - о - о - к- плюх . . .

Стиральная машинка, выброшенная из окна, зацепилась шнуром за балкон и влетела в окно следующего этажа.

Палаточный лагерь туристов-паломников или паломников-туристов. Временами громко кричат чайки. Размером они с большого гуся.

01 августа 2006 года.

Первое августа. В Сарове дожди, это Влад позвонил, узнал. Значит, деревню Гадюкино смыло.

Завтракали яичницей с колбасой, помидорчиками и сыром. Яйца и свежий хлеб купили накануне в поселке. Подали к завтраку хлеб и холодное пиво. Красота. Мимо ходили, принюхивались, засматривались соседи-туристы.

Идем на экскурсию в Соловецкий монастырь. Ансамбль монастыря – крепости впечатляет. Каменная кладка стен из громадных валунов. Говорят, что в основании стен уложены валуны весом до одиннадцати тонн. Цитадель издалека кажется приземистой, игрушечной. Походишь ближе, еще ближе – проступает кирпичная кладка между валунами. Подходишь еще ближе – и уже приходится задирать голову, чтобы увидеть верх стены с шатровой крышей над галереей по верху стены.

Проход внутрь кремля на фоне громады стен кажется щелью, в которую и не пролезешь. Входим в центральные ворота, здесь сохранились створки сделанные из цельных бревен и обитых железом огромными гвоздями, больше похожими на болты.

В краеведческом музее истории Соловецких островов три отдела:

- история монастыря;
- история Соловецкого лагеря особого назначения системы ГУЛАГа, сокращенно – СЛОН;
- история школы юнг ВМФ, здесь учились в годы войны будущие моряки.

Невольное чувство уважения возникает, когда смотришь на простые, незатейливые инструменты, которыми работали первые люди, пришедшие на эти негостеприимные острова. Какое мужество надо было иметь, чтобы на небольших лодках приплыть сюда по холодному морю, освоиться здесь, возвести громаду стен и храмов.

Соловецкая крепость всегда была оплотом России на белом море. Устояла она, когда пришли сюда лихие люди из далекой Англии и соседи шведы, всем хотелось утвердиться в этих негостеприимных, но богатых краях. Не дали, отбились.

На стенде оловянная кружка узника Соловецкого лагеря особого назначения, одного из самых страшных лагерей.

....Монастырь, основанный в XV веке на самом большом острове Соловецкого архипелага, более ста лет имел лишь деревянную застройку. Ансамбль каменных зданий сложился в середине — второй половине XVI века (ил.209). Новый архитектурный облик соответствовал не только материальным возможностям монастыря, но и его духовному весу и положению в церковной иерархии. Наряду с Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским, Соловецкий в XVII веке входил в число наиболее почитаемых и авторитетных монастырей Руси. Его основатели — истинные подвижники пустынножительства — Савватий, Герман и Зосима (ил.28, 212, 213) предприняли воистину дерзновенное дело: Большой Соловецкий остров, на котором возникла обитель, находится в суровом, северном море рядом с Полярным кругом и, казалось бы, совершенно не пригоден для человеческого существования. Но упорным трудом соловецкие поселенцы создали на неприветливой северной земле целую субкультуру со своим неповторимым духовным своеобразием и материально-производственной средой: грунтовыми дорогами, дамбами, каналами, причалами, рыбным промыслом и сенокосами. Были освоены соседние острова, на них появились многочисленные скиты, монастырь стал олицетворением культуры Русского Севера.

Незабываемое впечатление производят крепостные стены, возведенные в конце XVI века под руководством монаха Трифона и, как недавно установлено, "городового мастера" Ивана Михайлова (ил.210, 215). Стены и башни сложены из огромных гранитных валунов, что придает им циклопический характер. Покрывающий камни изменчивый по цвету лишайник усиливает живописный колорит и сближает кладку с окружающей природой.

Главный храм монастыря, Спасо-Преображенский собор (1558—1566, ил.211), построен, как полагают исследователи, новгородскими мастерами по замыслу игумена Филиппа, будущего московского митрополита, обличителя опричного террора Ивана Грозного. Новгородский «суровый стиль» доведен в этом памятнике до новой степени выразительности. Соловецкое своеобразие соединено с оригинально трактованными традициями московского зодчества. Структура храма необычная: это редкое по типу двухстолпное сооружение с поперечной ориентацией внутреннего пространства, перекрытого крестовыми сводами. Восьмигранный барабан с необычным наклоном граней к центру резко сдвинут к востоку, и тем самым с какой-то особой нарочитостью подчеркнута асимметрия композиции, которую несколько смягчают поставленные по углам четверика одноглавые приделы, — прием, больше не встречающийся в древнерусском зодчестве. Система килевидных кокошников, завершая стены, вносит в аскетический облик здания элемент декоративности. Особенности этого собора, как и замысла в целом, следует, вероятно, объяснить художественной волей заказчика — игумена Филиппа Колычева.

На Соловках все необыкновенно, и собор лишь главное воплощение этой «монастырской цивилизации». Духовное подвижничество и беспредельное трудолюбие создали явление, порождающее чувство изумления и благодарности. Здесь надо искать первозданную, «красивую древнюю Русь», о которой писал Н.К. Рерих: «Сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны...».

Искусство и культура Русского Севера являются концентрированным выражением огромного духовного потенциала русского народа. На всех этапах исторического развития, каждый раз в новых своеобразных формах раскрывались творческие возможности наших предков. Религиозное

отношение к миру, здравый смысл и художественное чутье позволяли им бережно хранить, создавать и преумножать способы украшения жизни и выражать ее сокровенный смысл. В громадах каменных соборов и скромном своеобразии деревянных церквей, в житийной иконе, с трогательным чистосердием повествующей о подвигах святого заступника, в затейливых изделиях народных промыслов во всей полноте проявилось национальное своеобразие людей, которые в суровом природном окружении и в нелегких условиях социальной жизни умели глубоко чувствовать величавую красоту окружающего мира и находили простые и ясные способы передать благоговейное чувство радости и удивления перед тайной жизни и смерти. (В.А. Булкин «Святая Русь»; АО «Славия-интербук»; Санкт-Петербург)

Наше пребывание на Соловецких островах заканчивается. Уже рюкзаки погружены на катер «Василий Косяков», съеден вкусный шашлык, его, как ни странно, привезли сюда из Петрозаводска, последний раз походили по водам Белого моря у Соловецких берегов. Пора! За два дня путешествия на Соловки все устали, а тепло в каюте катера разморило, все впали в дрему. Рядом на сиденье устроилась благообразная тетенька, как катер тронулся, достала несколько листов с копией какой-то статьи и читала читать, помечая что-то в статье карандашом. Это нас очень заинтересовало. Тетенька оказалась философом, преподавателем в институте, а читала она статью «Слово и молчание в русской культуре» из пятого номера журнала «Звезда» за 2005 год о великой роли молчания в русской словесной культуре. Запомнился один абзац – о чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Катер подплывает к пристани в Порту. Паломники и туристы хотят быстрее выбраться на берег. Два с половиной часа плавания всем надоели. На улице пасмурно, облака нависли прямо над нашими головами, поливая мелким дождем. Все вокруг стало мокрым - и мы, и рюкзаки. Небо опустилось на голову и скрежет по шапочке дождем. Грустно и неудобно! Как там будет в лесу, сыро ведь везде.

